

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ РЭЯ МОКА —

*моего дяди, который уже давно переселился в лучший из миров.
В детстве, когда я испытывал беспокойство и отчаяние,
его юмор, порядочность и доброта помогли мне узнать все о том,
каким должен быть человек*

Слова признательности

Настоящей Барбаре Кристмэн крупно повезло — ее имя было использовано мною в этом романе. Учитывая то обстоятельство, что она была одним из сотни книготорговцев, участвовавших в нашей лотерее, я был весьма удивлен тем, насколько удачно ее имя¹ вписалось в рассказанную мною историю. Должно быть, она надеялась, что я изображу ее кровожадным психопатом-убийцей, однако на деле ей придется довольствоваться ролью персонажа гораздо более скромного. Прости, Барбара...

¹ *Кристмэн* в переводе с английского означает «человек Божий», а святая Барбара считалась покровительницей пожарных, артиллеристов и всех, кто имеет дело с огнем. (Здесь и далее примеч. перев.)

Ч А С Т Ь I

ПОТЕРЯНЫ
НАВСЕГДА...

1

Джо Карпентер проснулся в субботу в начале третьего ночи. Прижимая к груди мокрую от пота подушку, он хрипло выкрикивал в темноту имя своей погибшей жены. Боль и жгучая тоска, звучавшие в его голосе, ужаснули его самого, и Джо мгновенно очнулся от своего беспокойного сна. И все же сновидения отпускали его неохотно; они спадали с него слой за слоем, покров за покровом, как во время землетрясения сыплется со стропил и потолочных перекрытий скопившаяся за десятилетия пыль.

Джо уже понял, что сжимает в объятиях не свою Мишель, а всего-навсего подушку, но не спешил разжать руки. В последний миг перед пробуждением его ноздри уловили аромат ее волос, и теперь он боялся, что любое движение, любой жест способны развеять наваждение и отнять у него это последнее, самое дорогое, оставив его наедине с кислым запахом пота и холодного сигаретного дыма.

Но в мире не было таких сил, которые могли бы удержать воспоминания и помешать им выскользнуть из его судорожно стиснутых пальцев. Запах волос Мишель уносился прочь, в пустоту, словно воздушный шарик, который не поймать, сколько ни прыгай и ни размахивай руками.

Чувствуя себя ограбленным до нитки, Джо поднялся и подошел к окну. Его постель, состоявшая из брошенного на пол матраса, подушки и одеяла, была единственным предметом

обстановки, поэтому он мог не бояться налететь на мебель даже в густых предрассветных сумерках.

Однокомнатная квартирка в конце Лоурел-Каньон, которую он снимал, находилась на втором этаже и состояла из одной большой спальни с двумя окнами, кухонного закутка, чулана и тесной туалетной комнатушки с ржавой трубой стоячего душа в углу. Первый этаж занимал захламленный гараж на две машины. Джо переехал сюда после того, как продал дом в Студио-Сити, но он даже не потрудился перевезти сюда что-то из обстановки. Мертвецам мебель ни к чему, а он приехал сюда умирать.

И вот теперь на протяжении десяти месяцев Джо аккуратно вносил арендную плату в ожидании утра, когда он не сумеет проснуться.

Из окна открывался вид на круто уходящую вверх стену каньона, густо заросшую вечнозеленым чапаралем и эвкалиптами. Сквозь кроны чахлах городских деревьев на западе горел серебром вечный символ обманутых надежд — диск полной луны, склонявшейся к горизонту.

Глядя прямо перед собой, Джо удивился, что он все еще не умер. Но и живым назвать его тоже было нельзя. Он застрял где-то посередине, на половине пути из одного мира в другой, и теперь, раз о возвращении не могло быть и речи, он хотел пройти этот путь до конца.

Джо сходил на кухню, достал из холодильника бутылку ледяного пива, вернулся в комнату и сел на матрас, привалившись спиной к стене.

Пиво в половине третьего ночи! Типично растительное существование, без целей, без надежд...

Мимолетно он пожалел о том, что не может напиться до смерти. Если бы он был уверен, что сумеет уйти из жизни без боли, притупленной алкогольным опьянением, тогда его, наверное, не тревожил бы вопрос о том, сколько времени займет этот переход. Но гораздо больше он боялся того, что затуманивший мозг алкоголь вытравит из него воспоминания,

а память все еще была для него священной. Именно по этой причине даже в худшие дни Джо не позволял себе ничего, кроме нескольких бутылок пива или стаканов вина.

Если не считать оконных стекол, на которых играли и переливались просеянные сквозь ветви и листву лунные лучи, в темной спальне не было никаких других источников света, лишь слабо мерцали подсвеченные клавиши телефонного аппарата.

Повернувшись к нему, Джо подумал о том, что в этот глухой предрассветный час он может поговорить только с одним человеком в мире — поговорить откровенно о своем бездонном, беспросветном отчаянии, которое засасывало его все глубже и никак не могло поглотить. Впрочем, и в дневные часы он не мог обратиться ни к кому другому. Джо было только тридцать семь, но его собственные мать и отец умерли уже давно, а ни братьев, ни сестер у него не было. Друзья пытались как-то утешить его, но Джо было слишком больно слушать или говорить о случившемся, и он постарался держать их на дистанции; при этом он повел себя столь агрессивно и грубо, что многие, оскорбленные в лучших чувствах, отвернулись от него вовсе.

Он протянул руку, перенес телефонный аппарат к себе на колени и набрал номер Бет Маккей — матери Мишель.

Бет, жившая в Виргинии, на расстоянии больше трех тысяч миль от Западного побережья, взяла трубку после первого гудка.

— Джо?

— Я тебя не разбудил?

— Ты же знаешь, Джо, милый, я рано ложусь и встаю перед рассветом.

— А Генри? — спросил Джо, имея в виду отца Мишель.

— О, этот старый сурок способен проспять Судный день, — ответила Бет с нежностью и теплотой в голосе.

Бет Маккей была доброй и ласковой женщиной; она изо всех сил старалась утешить Джо, несмотря на то что ее

собственное горе — горе матери — едва ли могло быть менее глубоким. Во всяком случае, во время похорон и Джо, и Генри, сломленные обрушившимся на них горем, опирались именно на нее, и Бет стояла непоколебимо, как скала, щедро делясь с ними своей незаурядной душевной силой. Лишь через несколько часов после того, как могилы были засыпаны свежей землей, Джо застал ее на заднем дворе своего дома в Студио-Сити. Бет, сгорбившись, как старуха, сидела в пижаме в кресле-качалке и рыдала в подушку, взятую ею из комнаты для гостей, чтобы зять или муж не услышали и не страдали из-за нее еще больше. Джо сел рядом, но Бет не хотела, чтобы он держал ее за руку или обнимал за плечи; от его прикосновения она вздрогнула, и Джо опустил руку. С нее словно содрали кожу, оставив одни обнаженные нервы, так что самый тихий сочувственный шепот был для нее словно крик, а прикосновение обжигало, как раскаленное клеймо. Джо не хотелось оставлять Бет одну в таком состоянии, поэтому он взял сетчатый сачок на длинной ручке и стал ходить по бортику бассейна, механически и бездумно вылавливая из воды попавших туда жучков, листья и прочий мусор. Было два часа ночи, и в темноте он почти ничего не видел — он просто ходил и ходил по кругу, с мрачной целеустремленностью регулировавшегося автомата окуная сетку в воду, вытряхивая, снова окуная, пока на поверхности черной воды не осталось ничего, кроме отражений равнодушных, холодных звезд, а Бет все плакала и плакала в подушку. В конце концов, выплавав все слезы, она встала с качалки, подошла к нему и силой вырвала сачок из его одеревеневших пальцев. Потом она отвела его наверх, раздела и уложила в постель, словно ребенка, и впервые за прошедшие дни Джо заснул крепко и глубоко.

Теперь, думая о разделяющих их тысячах миль, Джо поставил на пол недопитую бутылку пива.

— У вас уже рассвело, Бет? — спросил он.

— Только что.

— И ты, наверное, сидишь на кухне и любишься небом из большого окна, да? Скажи, небо красивое?

— На западе еще темно, но наверху небо стало уже индигово-синим, а на востоке оно кораллово-красное, сапфирово-голубое и персиково-розовое, как китайский шелк.

Да, Бет была сильной женщиной, но Джо звонил ей не за утешениями; просто ему нравилось слушать, как она говорит. Тембр ее негромкого голоса, смягченный едва заметным виргинским акцентом, напоминал ему Мишель.

— Ты взяла трубку и сразу назвала меня по имени, — сказал он.

— А кто, кроме тебя, мог мне позвонить?

— Ты хочешь сказать — в такую рань?

— Нам редко кто звонит так рано, но сегодня утром... это мог быть только ты.

Да, подумал Джо, катастрофа, навсегда изменившая их жизнь, произошла ровно год назад, день в день. Сегодня была первая годовщина их трагической потери.

— Ты все худеешь, Джо? — спросила Бет. — Мне бы так хотелось, чтобы ты начал есть лучше...

— Нет, я больше не хую, — солгал он.

За прошедший год в нем развилось такое удивительное безразличие к сигналам, которые подавал пустой желудок, что в последние три месяца Джо начал худеть. К настоящему моменту он потерял уже фунтов двадцать пять, если не больше.

— День, наверное, будет теплый, — заметил он.

— Душный, влажный и жаркий, — поправила его Бет. — Правда, на востоке маячат какие-то облака, но на дождь надежды мало. Зато они очень красиво выглядят, Джонни... — Она часто звала его Джонни, еще когда Мишель была жива, а та со смехом ее поправляла: «Не Джонни, мама, Джоуи!» — Они розовые, с золотой каймой. А вот и солнце встало над горизонтом.

— Неужели прошел целый год, Бет? Даже не верится.

— Ты прав, Джонни. Правда, иногда мне кажется, что прошло несколько лет.

— Я так скучаю, Бет, — неожиданно сказал Джо. — Пусто без них. Пусто и одиноко.

— О Джонни... Мы с Генри любим тебя. Ты для нас как сын. Нет, теперь ты стал нашим сыном.

— Я знаю и тоже вас очень люблю, но этого недостаточно, Бет. — Джо перевел дух. — Этот год... для меня это был настоящий ад. Иногда мне кажется, что, если и следующий год будет таким же, я долго не протяну.

— Время лечит... иногда.

— Только не в моем случае. Я боюсь. Одиночество — вот что дается мне труднее всего.

— Ты не хочешь вернуться на работу, Джо?

Перед катастрофой Джо был ведущим репортером отдела уголовной хроники в газете «Лос-Анджелес пост», но теперь с карьерой журналиста было покончено.

— Я не смогу больше смотреть на мертвые тела, Бет.

Это было правдой. Он больше не мог смотреть на трупы убитых в перестрелке бандитов и случайных прохожих, на тела, изуродованные в автомобильной аварии, и — вне зависимости от пола и возраста — не видеть перед собой истерзанные останки Мишель, Нины и Крисси.

— Ты мог бы писать о чем-нибудь другом. Ты был хорошим журналистом, Джонни. Попробуй рассказать о чем-нибудь, что было бы интересно всем, о каких-нибудь общечеловеческих ценностях. Ты должен работать, должен делать что-то... может быть, тогда ты почувствуешь, что снова нужен кому-то...

Вместо ответа Джо сказал:

— Я не могу ни жить, ни работать без них. Единственное, чего мне хочется, — это быть вместе с Мишель. С нею и с девочками...

— Когда-нибудь ты встретишься с ними, — ответила Бет, которая, несмотря ни на что, осталась глубоко верующим человеком.

— Я хочу быть с ними сейчас... — Его голос надломился, и Джо замолчал, стараясь взять себя в руки. — На этой земле у меня не осталось ничего дорогого, но у меня не хватает силы духа, чтобы самому сделать следующий шаг.

— Не надо говорить таких вещей, Джонни.

Джо действительно не мог покончить с собой, потому что не был уверен, что же будет с ним дальше. Он не верил, что вновь обретет свою жену и девочек в царстве света и радости. В последнее время, когда ему случалось бросить взгляд в ночное небо, он видел там только звезды — удаленные солнца, пламенеющие в невообразимой глубине пустынного и холодного вакуума, но он ни разу, даже наедине с самим собой, не облек свои сомнения в слова, ибо это сделало бы жизнь Мишель и его дочерей не имеющей ни смысла, ни продолжения.

— Мы все приходим в этот мир с какой-нибудь целью, — сказала Бет негромко.

— Они были моей целью, — отозвался Джо. — Но их больше нет.

— Значит, у тебя есть какая-то другая цель, какое-то другое предназначение. И ты должен узнать, в чем оно состоит. Тому, что ты задержался в этом мире, обязательно должна быть какая-то причина.

— Нет такой причины, — возразил Джо и после паузы добавил: — Расскажи мне о небе, Бет, какое оно?

Бет тоже немного помолчала и наконец ответила:

— Облака на востоке, которые были розовыми, с золотыми краями, поблекли и стали белыми как снег. И все равно это не дождевые облака — для этого они слишком светлые и редкие.

Джо молча слушал, как Бет описывает ему утро, наступившее на противоположном краю континента. Потом они

немного поговорили о светлячках, которыми Бет и Генри любовались накануне вечером с заднего крыльца своего виргинского дома. В Южной Калифорнии светлячки не водились, но Джо хорошо помнил, как они перемигивались под пологом ночного леса в Пенсильвании, где прошло его детство. В конце концов Бет стала описывать сад Генри, в котором уже поспевала клубника, и Джо почувствовал, что его начинает клонить в сон.

— У нас уже наступило утро, Джонни, — сказала в заключение Бет. — Теперь оно спешит к вам. Постарайся заснуть, милый, и, может быть, тогда, при дневном свете, ты увидишь свою цель, свое предназначение. Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

После того как они попрощались, Джо опустил трубку на рычаг и лег на бок, глядя в окно, за которым медленно угасал лунный свет. Луна опускалась за холмы. Наступал самый темный предрассветный час.

Когда он заснул, то видел сны не о цели или предназначении, которое, возможно, путеводной звездой озарит его унылое существование, а отрывочные, лихорадочные кошмары, исполненные расплывчатой, неясной, но достаточно близкой угрозы, которая, скрывшись в ночном мраке, нависла прямо над его головой.

2

В тот же день, когда поздним утром Джо Карпентер ехал в Санта-Монику, с ним снова случилось что-то вроде приступа временного помешательства. Приступ начался с того, что грудь стиснуло с такой силой, что он едва мог дышать, а стоило ему оторвать пальцы от рулевого колеса, как они начинали трястись, точно у древнего старика.

В следующее мгновение Джо почувствовал, что падает с огромной высоты, как будто его «хонда» съехала с дороги

и проваливается в какую-то бездонную пропасть. Между тем целое и невредимое шоссе продолжало расстилаться перед ним, и колеса все так же монотонно шуршали по асфальту, но сознание регистрировало это уже как бы вторым планом. Как бы там ни было, Джо никак не удавалось справиться с ощущением падения и убедить себя в том, что все по-прежнему в порядке.

Поддавшись панике, он убрал ногу с акселератора и нажал на тормоз. Покрышки пронзительно завизжали по асфальтовому покрытию, а сзади протестующе затрубили сигналы мчащихся следом машин. В последний момент Джо вырулил на обочину, и водители проносившихся мимо остановившейся «хонды» грузовиков и легковушек награждали его убийственными взглядами или совершали в его направлении оскорбительные жесты. Губы их шевелились, произнося ругательства, но Джо это не трогало. Он уже привык жить в Большом Лос-Анджелесе, вступившем в век перемен, — в бурлящем и кипящем городе, который, опережая остальные города, на всех парах неся навстречу скорому апокалипсису и где, случайно наступив одной ногой на чужой газон, можно было получить в голову порцию свинца.

Несмотря на то что Джо остановил машину, ощущение падения становилось все сильнее, все явственней. Желудок его вел себя так, будто он не сидел, откинувшись на спинку сиденья неподвижной машины, а неся во весь дух в тележке аттракциона, которая то круто взлетает вверх, то проваливается вниз. В салоне «хонды» Джо был один, но он ясно слышал крики других пассажиров: сначала негромкие, потом — все более высокие и пронзительные. И это не были вопли восторга, которые срываются с губ любителей острых ощущений в любом луна-парке; это были крики, исполненные чистого, неподдельного страха и ужаса.

— Нет, нет, не надо, нет!.. — услышал Джо свой собственный голос, доносящийся откуда-то со стороны.

Обочина шоссе, на которую он свернул из общего потока движения, была довольно узкой, и Джо остановил «хонду» как можно ближе к металлическому ограждению, за которым начинались похожие на высокую приливную волну заросли олеандра.

Двигатель Джо выключать не стал; несмотря на то что его лицо и грудь заливал холодный пот, упругая струя воздуха из кондиционера была необходима ему для того, чтобы дышать. Давление на грудь, которое он продолжал ощущать, все усиливалось, и каждый всхлипывающий, судорожный вздох был для него пыткой, зато каждый выдох вырывался из его легких с резким звуком, похожим на маленький взрыв.

Воздух в салоне был чистым, но Джо был уверен, что чувствует запах дыма. И не только запах, но и вкус. Он ясно различал резкую вонь горящего масла, терпкий чад пузырящегося пластика, горечь расплавленного винила, едкий привкус нагретого металла.

Бросив взгляд на плотную стену зеленой листвы и красных цветов олеандра, льнущих к окну с пассажирской стороны, Джо увидел вместо них неистовствующее коптящее пламя и плотные облака дыма, а само окно превратилось в самолетный иллюминатор — прямоугольник толстого двойного стекла с округленными краями.

То, что с ним происходило, действительно напоминало настоящее сумасшествие, но за последний год Джо пережил таких приступов не один и не два. Порой между каждыми двумя случаями проходила неделя или две, порой он испытывал нечто подобное по три раза за день, и каждый приступ длился от десяти минут до получаса.

Он даже обращался к психоаналитику, но терапия не помогла. Врач порекомендовал специальную медитацию, которая должна была уменьшить его беспокойство и тоску, но Джо сознательно отказался от этого. Ему нужна была боль — кроме нее, у него ничего больше не осталось.

Закрыв лицо холодными как лед руками, Джо постарался справиться с собой, но катастрофа продолжала разворачиваться по раз и навсегда заведенному сценарию. Удушливый запах дыма стал плотнее, а вопли воображаемых пассажиров — громче. Все вокруг вибрировало и ходило ходуном. Дрожал пол под ногами Джо, тряслись стены, прогибался и скрипел потолок. Со всех сторон доносились жуткое дребезжание, треск, стоны раздираемого металла, стук, звон и скрежет, и все это тряслось, тряслось, тряслось...

— Пожалуйста, нет! — взмолился Джо.

Не открывая глаз, он отнял ладони от лица и, сжав руки в кулаки, опустил их на сиденье рядом с собой.

Прошло несколько мгновений, и он почувствовал, как крошечные пальчики испуганных детей вцепились в его запястья; тогда Джо разжал кулаки и крепко взял их ладошки в свои.

Конечно, в «хонде» никаких детей не было — они были все там же, в высоких креслах обреченного рейса № 353, куда забросила Джо больная, истерзанная, возбужденная память. На протяжении всего приступа он будет оставаться в двух местах одновременно — в реальном мире и в «Боинге-747» компании «Нэшн-Уайд эйр», который под рев турбин падал из безмятежного поднебесья и, метеоритом прочертив ночное небо, пикировал прямо на сонный и мягкий луг, вдруг оказавшийся тверже наковальни.

Наверное, Мишель сидела между дочерьми. Это в ее руки в последние свои минуты вцепились в невыразимом ужасе Крисси и Нина...

Между тем вибрация усиливалась, и воздух наполнился беспорядочно летящими предметами. Книги в мягких обложках, портативные компьютеры, карманные калькуляторы, пластиковые тарелки и вилки (когда разразилась катастрофа, многие пассажиры наверняка еще не закончили ужинать), пластмассовые стаканчики, одноразовые бутылочки с виски,

ручки, карандаши и тому подобная мелочь — все пришло в движение и летало по салону, отскакивая от стен и людей.

Кашляя, задыхаясь от дыма, Мишель все-таки нашла в себе силы и заставила девочек наклонить голову. «Нагните голову, закройте лицо руками...»

Их лица... милые маленькие лица. У семилетней Крисси были высокие материнские скулы и ясные зеленые глаза, и Джо никогда не смог бы забыть ни радости, плясавшей в этих глазах, когда Крисси брала урок хореографии, ни сосредоточенности, появлявшейся в этих маленьких крыжовинках, когда она вставала на место отбивающего в их домашнем бейсбольном чемпионате.

Нине было всего четыре. Она была очаровательным курносым, пухленьким существом с серо-голубыми глазами, которые вспыхивали от неподдельной радости каждый раз, когда взгляд девочки падал на какое-нибудь живое существо: птицу, собаку, кошку. Ее тянуло к животным словно магнитом — как и их к ней, — словно Нина была реинкарнацией святого Франциска Ассизского, разговаривавшего со зверями. И это было не таким уж преувеличением, особенно после того, как Джо застал Нину в саду, где она с удивлением разглядывала пугливую ящерицу, спокойно сидевшую у нее на ладошке.

«Опустите голову, закройте лицо...»

В этих словах были и утешение, и слабая надежда на то, что все обойдется, что все они останутся живы и самое худшее, что с ними может случиться, — это попавшее в глаз стекло или удар по голове компьютером, неожиданно обретшим способность летать.

Поднявшийся ураган все усиливался. Угол наклона стал таким, что прижатому к сиденью Джо никак не удавалось согнуться в поясе, чтобы защитить лицо.

Возможно, из люков в верхней полке выпали кислородные маски, возможно, самолет был поврежден, поэтому система безопасности сработала не так, как надо, и спасательные

маски оказались не у каждого пассажира. Джо не мог знать это наверняка, и ему оставалось только гадать, дышали ли Мишель, Крисси и Нина нормально, или, давясь хлопьями жирной черной сажи, они тщетно пытались словить судорожно раскрытыми ртами хотя бы глоток чистого воздуха.

Плотные клубы дыма заволокли уже весь салон. В самолете — и в «хонде» — стало темно и страшно, как в самой глубокой угольной шахте. В черном тумане зазмеились скрытые до поры язычки пламени, и охвативший пассажиров ужас усилился, ибо никто не знал, в каком направлении будет распространяться огонь и что будет, когда пожар забушует в салоне со всей яростью.

Воздействующая на падающий самолет сила стала такой, что весь фюзеляж судорожно вздрогнул. Огромные крылья трепетали так, словно готовы были вот-вот оторваться, стальные нервюры, шпангоуты и лонжероны стонали и выли, как живые существа, в мучительной агонии, а из-под обшивки раздалась как будто приглушенная оружейная пальба — это отлетали головки болтов. Где-то в чреве погибающего самолета с пронзительным скрежетом разошлись несколько клепаных швов.

Должно быть, Мишель и девочкам показалось, что самолет может развалиться на куски еще в воздухе и ворвавшийся в салон ураган разлучит их, выбросив в ночную темноту, и они, пристегнутые каждая к своему креслу, понесутся к земле поодиночке, но этого не случилось. «Боинг-747», обладавший многократным запасом прочности, был настоящим чудом конструкторской мысли и воплощенным триумфом современной технологии. Несмотря на неполадки гидросистемы и потерю управления, его крылья не отломились, фюзеляж не рассыпался на части. Под вой мощных турбин «Пратт и Уитни», словно бросавших вызов земному тяготению, лайнер падал на землю целиком.

В какой-то момент Мишель, должно быть, поняла, что надежды нет, что они несутся навстречу смерти со все возрастающей скоростью, но, с характерным для нее мужеством

и самоотречением, она наверняка думала в эти мгновения только о детях и попыталась как-то утешить их или хотя бы отвлечь. Словно наяву, Джо видел, как она наклоняется к Нине, как прижимает ее к себе и, перекрывая грохот и лязг, задыхаясь от ядовитых продуктов горения, кричит ей на ухо: «Все в порядке, малышка, я с тобой, и я люблю тебя! Ты моя самая лучшая маленькая девочка на свете!»

И пока самолет чертил темную ночь над Колорадо, Мишель — даже в последние секунды жизни — не могла не найти слов и для Крисси. Она, несомненно, произнесла их таким же взволнованным, но искренним и без тени паники голосом: «Все хорошо, дочка, мама с тобой. Возьми меня за руку и держи. Я люблю тебя и горжусь тобой. Все обойдется: мы вместе и всегда будем вместе...»

Сидя в своей «хонде» на обочине оживленного шоссе, Джо слышал последние слова и голос Мишель так, словно он сам присутствовал при этом и запомнил, записал их в память, как записывает магнитофон. Ему отчаянно хотелось верить, что в эти решительные и страшные минуты его дочери сумели позаимствовать часть исключительной внутренней силы, которой обладала их мать — удивительная и стойкая женщина. Джо просто необходимо было знать, что последним, что его девочки слышали в своей жизни, был голос Мишель, которая говорила им о своей любви.

При столкновении авиалайнера с землей раздался взрыв такой силы, что его было слышно в радиусе добрых двадцати миль. Звуковая волна разнеслась по пустынным сельским районам Колорадо, потревожив сов в лесах, вспугнув с гнезд ястребов и орлов и разбудив усталых фермеров, дремавших в креслах у очагов или отправившихся спать с наступлением сумерек.

Катастрофа была ужасной. При ударе о землю «боинг» не просто взорвался — он был разорван на тысячу обожженных, изуродованных, смятых и скрученных кусков, которые пропахали в разных направлениях безмятежно дремавший

луг. Оранжевые брызги горящего топлива разлетелись во все стороны и зажгли плотные заросли вечнозеленых кустарников и деревьев. Триста тридцать человек, включая бортпроводников и экипаж, погибли мгновенно.

И Мишель, научившая Джо почти всему, что он знал о сострадании и любви, тоже исчезла, сгнула в этот страшный миг...

И Крисси, семилетняя балерина и бейсболистка, никогда больше не встанет к станку, не поднимется на пуанты и не взмахнет тяжелой, со свистом рассекающей воздух битой...

И если живые твари чувствовали такую же прочную связь с маленькой Ниной, как и она с ними, то в эту страшную ночь в лесистых холмах Колорадо все они дрожали в своих норках, зажмурив глаза и заткнув лапками мохнатые уши.

Из всей большой и счастливой семьи Джо Карпентер был единственным, кто остался в живых.

Но его не было с ними на борту рейса 353. Все пассажиры, оказавшиеся в салоне злосчастного «боинга», обратились в прах, и если бы среди них был Джо, то и его останки можно было бы опознать лишь по записям дантиста да по одному-двум пальцам, кожа на которых не настолько обгорела, чтобы с них нельзя было снять отпечатки. Эти его возвращения в прошлое не имели поэтому никакого отношения к памяти. Виновато во всем было лихорадочное возбуждение, болезнь измученного разума, приступы которой настигали его и во сне, и наяву — как сейчас. Чувство вины за то, что он не погиб если не вместо Мишель и дочерей, то, по крайней мере, вместе с ними, не давало Джо покоя, и он не переставая мучил себя попытками разделить с дорогими ему людьми ужас их последних минут.

Но, как и следовало ожидать, воображаемые полеты на борту обреченного лайнера не приносили ему желанного облегчения. Как Джо ни старался, он никак не мог смириться с происшедшим и принять его окончательно. Напротив, каждый ночной кошмар и каждый приступ, случившийся с ним

при свете дня, лишь заново растравляли его незажившие, кровоточащие раны.

Джо вздрогнул и, открыв глаза, с легким удивлением уставился на несущийся мимо поток машин. На мгновение он задумался о том, что стоит ему только открыть дверцу и сделать быстрый шаг на шоссе, как он будет сбит тяжелым грузовиком, и тогда все страдания для него кончатся...

Но он остался сидеть в «хонде». И не потому, что боялся смерти, а по причинам, которые не были ясны ему самому. Возможно, впрочем, Джо казалось, что он должен продлить казнь и приговорить себя к добавочной порции жизни.

За окном пассажирской дверцы качались и клонились под ветром, поднятым пронесшимися машинами, ветки и цветы олеандра. Они негромко шуршали и скребли по стеклу, и салон «хонды» наполнился еле слышными призрачными голосами, похожими на жалобы потерянных, заблудившихся душ.

Джо понял, что больше не дрожит. Заливавший лицо пот начал подсыхать в потоке прохладного воздуха, с шипением вырвавшегося из сопел кондиционера на приборной панели. Ощущение падения тоже исчезло. Он больше не падал — он достиг самого дна.

В жарком августовском мареве, в пелене синеватого смога легковушки и грузовики мчались по шоссе, словно призраки или миражи, которые какой-то сверхъестественный ураган стремительно несет на запад — к чистому воздуху и прохладному морю. Выждав, пока в потоке машин не образовался просвет, Джо вырулил с обочины и прибавил скорость. Он тоже направлялся на побережье.

3

В сиянии жаркого августовского солнца песок пляжа казался белым, как кость, выбеленная ветром и дождем. Зеленоватый океан лениво и мерно накатывался на берег, вынося

на песок крошечные ракушки и экзоскелеты мертвых и умирающих обитателей шельфа.

Пляж у Санта-Аны был забит людьми, которые загорали, играли в мяч или, с удобством расположившись на больших полотенцах или покрывалах, поглощали привезенную с собой или купленную поблизости провизию. Несмотря на то что в глубине континента уже властвовал жаркий и душный день, на побережье было достаточно комфортно и свежо благодаря легкому бризу, приносявшему прохладу с просторов Тихого океана.

Некоторые купальщики с любопытством и легким недоумением косились на Джо, который медленно брел вдоль береговой линии в белой майке, бежевых просторных брюках и спортивных кроссовках на босу ногу. Хмурое выражение его лица тоже указывало на то, что он пришел сюда не затем, чтобы купаться или загорать.

Спасатели зорко следили за купающимися; девушки в бикини, прогуливавшиеся у кромки берега, наблюдали за спасателями, замороженные движениями их тренированных загорелых тел, и не обращали никакого внимания на чудесные раковины, которые щедрый океан швырял к их ногам вместе с гирляндами белой пены и водорослей. На мелководье возились дети, но Джо старался как можно реже поворачиваться в их сторону. Их звонкая радость, восторженные крики и беззаботный смех действовали ему на нервы и рождали в душе иррациональный, ничем не обоснованный гнев.

Держа в одной руке полотенце, а в другой — пенополистироловый охладитель, Джо продолжал медленно двигаться на север, глядя на обожженные солнцем холмы Малибу, встающие за изгибом береговой линии залива. Наконец ему удалось найти относительно безлюдный участок пляжа. Здесь он расстелил полотенце, сел на него и, обратившись лицом к воде, достал изо льда жестянку пива.

Если бы океан был его собственностью, он предпочел бы покончить жизнь самоубийством на берегу. Несмолкающий

шорох прибоя, сверкающие под солнцем или посеребренные луной пенистые барашки, безупречная дуга далекого горизонта — все это не дарило Джо ни мира, ни покоя. Единственное, о чем он способен был думать, глядя на волны, — это блаженное забытие.

Монотонные ритмы моря были единственным, что в представлениях Джо как-то ассоциировалось с понятиями о Боге и вечности.

Больше всего Джо надеялся, что, после того как он выпьет несколько бутылок пива, живописные пейзажи тихоокеанского побережья окажут на него свое благотворное действие и успокоят настолько, что он сумеет справиться с силами и отправиться на кладбище. Чтобы постоять на земле, укрывшей его жену и дочерей. Чтобы коснуться каменного надгробия, на котором высечены их имена...

Сегодня Джо чувствовал свой долг перед мертвыми сильнее, чем в иные дни.

Двое подростков — неправдоподобно худых, в мешковатых плавках, едва державшихся на их узких бедрах, — прибрежали вдоль берега с северной стороны и остановились напротив Джо. Один из них носил длинные волосы, стянутые на затылке резинкой, второй был острижен по последней моде — под машинку и имел в ухе серьгу. Оба были обожжены солнцем буквально до черноты. Любуясь морем, они повернулись к Джо спиной и загородили ему всю панораму. Он уже собирался попросить их отойти, когда один из подростков неожиданно спросил:

— Эй, приятель, что продаешь?

Джо промолчал, так как ему показалось, что подросток обращается к своему стриженному другу.

— Ну так как? — снова спросил тот, продолжая тарачиться в сторону океана. — Травка там у тебя или выпивка?

— У меня здесь только несколько банок пива, — отозвался Джо, поднимая на лоб солнцезащитные очки, чтобы взглянуть на парней получше. — Но они не продаются.

— Вот и хорошо, — сказал стриженный. — А то мы видели двух придурков, которые, похоже, считают, что у тебя полный ящик травы.

— Где?

— Только не поворачивайся туда сразу, — предупредил подросток с конским хвостом. — Подожди, пока мы не отойдем подальше. Эти двое уже давно тебя пасут, и от них за милю несет копами. Удивляюсь, как ты до сих пор не почувствовал вони.

— Пятьдесят футов к югу, возле спасательной вышки, — подхватил стриженный, также не оборачиваясь. — Два фраера в гавайских рубашках, похожи на проповедников в отпуске. У одного бинокль, а у другого — рация.

— Спасибо, — с признательностью ответил Джо и опустил очки. — Большое спасибо.

— Не стоит, — откликнулся длинноволосый. — Мы просто хотели предупредить, по-дружески. Ненавижу копов.

— Сраная система! — добавил стриженный с неожиданной циничной горечью, которая казалась особенно странной у такого молодого человека.

Потом с грацией молодых тигрят подростки двинулись вдоль пляжа дальше на юг, поглядывая на девушек в бикини. Их лиц Джо так и не рассмотрел толком.

Минут через пять, прикончив первую банку пива, Джо повернулся к охладителю и взялся за крышку. Убрав пустую жестянку, он кинул небрежный взгляд в сторону, в которую удалились подростки. В тени, отбрасываемой спасательной вышкой, действительно стояли двое мужчин в ярких гавайских рубашках. Тот, что повыше, одетый в рубашку по преимуществу зеленых тонов и белые хлопчатобумажные брюки, как раз рассматривал Джо в бинокль. Заметив, что Джо глядит в его сторону, он спокойно повернулся и направил бинокль на юг, притворяясь, будто поглощен разглядыванием группы девочек-подростков в почти невидимых купальных костюмах.

Оглавление

Часть I. Потеряны навсегда... ..	11
Часть II. Поисковый стереотип	79
Часть III. Нулевая точка	183
Часть IV. Бледное сияние	331

Кунц Д.

К 91 Единственный выживший : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. В. Гришечкина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-16583-0

Криминальный репортер Джо Карпентер потерял жену и двух дочерей в авиакатастрофе. Тяжело переживая утрату, он не может ни работать, ни думать, ни делать что-то еще — жизнь его лишилась всякого смысла. Однажды Джо встречает Розу, женщину, утверждающую, что она единственная выжившая в той катастрофе. Но прежде чем он успевает задать вопросы, женщина ускользает, и теперь Джо изводят мучительные мысли: если выжила Роза, не могла ли спастись и его семья? Может, власти скрывают правду о том, что на самом деле произошло в ту ночь? Поиски этой правды даются ему тяжелее, чем любое из предыдущих расследований, и вынуждают сомневаться во всем, что ему известно о жизни и смерти...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Лариса Ершова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.05.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-KBB-25843-01-R